

13. К юбилею кафедры: Кафедри історіографії, джерелознавства та археології – 40 років : довідкове видання / укладачі : Б. П. Зайцев, О. Є. Шабельська. – Харків : Изд-во ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2004. – 72 с.
14. Кадеєв, В. І. Годы студенческие / В. И. Кадеєв // Харківський історіографічний збірник. – Харків, 2012. – Вип. 11. – С. 224-237.
15. Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета. 30 лет / сост. В. И. Кадеєв, С. Б. Сорочан. – Харків : ООО «НТМТ», 2008. – 160 с.
16. Кафедра истории России : исторический очерк / отв. ред. В. М. Духопельников. – Харків : Изд-во ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2007. – 86 с.
17. Корзун, В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв (анализ отечественных историографических концепций) / В. П. Корзун. – Омск ; Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2000. – 226 с.
18. Куделко, С. М. Марин Дринов – профессор Харьковского университета. Научное наследие сквозь призму формально-количественного анализа / С. М. Куделко, С. И. Посохов // Україна і Болгарія: віхи історичної дружби: (Матеріали міжнар. конф., присвяч. 120-річчю визволення Болгарії від османського іга). – Одеса, 1999. – С. 122-126.
19. Латышева В. А. Маслины – античное поселение в Северо-Западном Крыму : статьи и воспоминания / В. А. Латышева; сост., отв. ред. А. П. Мартемьянов, А. Н. Токарев. – Харків : Изд-во ХНУ шимени В. Н. Каразіна, 2010. – 175 с.
20. Маловичко С. И. История как строгая наука VS социально ориентированное историописание / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцова. – Орехово-Зуево : Изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.
21. Олександр Омелянович Кучер : спогади, документи, матеріали / уклад. В. В. Сичова, Н. В. Шевченко. – Харків, 2015. – 292 с.
22. Письма Марина Дринова к Константину Гроту (1901–1904) / В. Ю. Иващенко, С. И. Посохов // Дриновський збірник. – Харків, 2011. – Т. 4. – С. 506-515.
23. Рибалка, І. К. Така наша доля. Сторінки життя мого покоління / І. К. Рибалка. – Харків : Основа, 1999. – 200 с.
24. Страницы из жизни Учителя (В. И. Астахов в исследованиях и воспоминаниях) / сост. В. И. Астахова, Е. В. Астахова, Б. П. Зайцев. – Харків : Изд-во НУА, 2002. – 176 с.
25. Указатель библиографических изданий Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В. Н. Каразіна. 1807–2004 гг. / сост. М. Г. Швалб, Р. А. Ставинская, В. Д. Прокопова [и др.]. – Харків : Изд-во ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2006. – 35 с.
26. Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців : в 2 т. / укл. Б. П. Зайцев, В. Ю. Иващенко, В. І. Кадеєв [та ін.]. – Харків : Сага, 2008–2010.
27. Шрамко, Б. А. Воспоминания об учителе / Б. А. Шрамко // Харківський історіографічний збірник. – Харків, 2003. – Вип. 6 : Біографістика в контексті сучасних історичних та історіографічних досліджень. – С. 138-145.
28. Юрій Йосипович Журавський. Спогади, документи, матеріали / укл. Б. П. Зайцев [та ін.]; відп. ред. С. І. Посохов. – Харків : ФООП Тимченко А. Н., 2008. – 160 с.

Белявский А.М., Захаркевич С.А.

АРХИВ КАК ИСТОЧНИК – ЕЩЕ РАЗ ОБ АРХИВНОМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

Термин «архивное источниковедение» в настоящее время уже не является новшеством, и существуют два достаточно прочно утвердившихся подхода к его содержательному наполнению как обозначению соответствующей специальной (исторической) дисциплины. Один из них более склонны использовать архивисты, другой – некоторые источниковеды. Первый, получивший в белорусской историографии большее распространение, предполагает предметом такой дисциплины изучение источников по истории архивов. В таком контексте термином оперировали с середины 1970-х гг. такие крупные российские источниковеды и историки-архивисты (не секрет, что эти специальности часто могли пересекаться), как С.О. Шмидт, В.Н. Автократов, А.В. Елпатьевский, Е.В. Старостин. В Беларуси такой подход поддерживает и обосновывает в ряде публикаций М.Ф. Шумейко [5, 6]. Более того, кафедра источниковедения БГУ уже разработала и внедрила соответствующий специальный курс, таким образом, как бы закрепив эту трактовку на академическом уровне. Второй подход относительно недавно (1997 г.) был предложен российским ученым – профессором В.В. Кабановым. В его трактовке архивное источниковедение связано с изучением документов, хранящихся в архивах и создаваемых архивами. Не вдаваясь в дискуссии между сторонниками этих подходов (они подробно разобраны М.Ф. Шумейко [5]) и не претендуя на «изобретение» третьего, нам кажется возможным предложить здесь еще одно направление исследований, близко связанное с упомянутым термином.

Речь пойдет о взгляде с точки зрения еще одной дисциплины – истории исторической мысли, или даже шире, интеллектуальной истории. В данном случае представляется актуальным и интересным рассмотреть в качестве своеобразного комплексного исторического источника архив как таковой, как социальный институт (создающий и контролирующей комплексы документов), во многом определяющий характер и направленность деятельности историка (а где-то и ее результаты). Если угодно – как поле, определяющее систему высказываний историка. Чем в действительности вызвана и насколько обоснована кажущаяся столь незыблемой связь профессионального историка с архивом? Случайно ли формирование истории как академической дисциплины хронологически совпадает с изменением институционального статуса архивов и появлением первых исторических архивов в современном понимании этого термина? Пример-

но такого рода вопросы/проблемы могли бы стимулировать исследования и дискуссию в данном направлении.

Вопросы эти далеко не праздные, поскольку упомянутая «незыблемость» связи историка с архивом в последнее время становится все более «кажущейся», оспоримой, по мере проникновения в современную историографию некоторых постмодернистских идей, происходящих из философских и лингвистических исследований. В русскоязычном научном пространстве подобного рода идеи пока еще циркулируют на уровне сравнительно робких протестов историков-любителей, лишенных такого широко доступа к «живым» архивным материалам, каким обладают историки-профессионалы, и пытающихся обосновать «равноправие научности» исследований, основанных на работе с материалами, опубликованными в той или иной форме – благо видовое разнообразие и просто количество таких стремительно растет с развитием цифровых технологий [1]. Если же мы обратимся к англоязычной историографии, то увидим, что там традиционно мыслящим историкам уже приходится совершенно серьезно отвечать на обвинения в «архивном фетишизме», раздающиеся из уст и со страниц публикаций (гораздо более популярных) историков-постмодернистов, таких как Эдвард Холлетт Карп, Натали Зимон Дэвис, Людмила Йорданова и др., и «переобосновывать» надежность и даже *реальность* исторических фактов, извлеченных из архивных источников (а следовательно – и исторических репрезентаций, на них основанных) [10, p. 154–163].

Исследования в направлении обозначенной проблематики, как, впрочем, и любое другое современное источниковедческое исследование, могли бы строиться на основе взаимодействия с другими гуманитарными (и не только) дисциплинами, обращения к их методам. В данном случае, в качестве примера такого исследования, предлагаются некоторые направления возможного изучения взаимосвязи профессионального историка и архива методами социально-культурной антропологии. Тезисы, в которых они представлены, являются несколько расширенным и переработанным вариантом материала, опубликованного авторами в польском научном сборнике [7].

Антропологический анализ всегда основывается на наблюдении реальности (в идеале включенном – т.е. когда объект анализа не скрывает свои поступки и действия). Традиционно факты интерпретируются в рамках определенной теории. В нашем случае мы хотели бы использовать теории перехода и сакральности. Можно согласиться с тезисом российской исследовательницы Н.В. Дёминой о том, что «...научный мир...разделен на значительное число больших и малых «научных» племен со своими обрядами, ритуалами и церемониями...» [2, с. 97].

Исходя из стандартных в культурной антропологии характеристик, которые Мирча Элиаде дал основным чертам «священного/сакрального», пространство архива имеет в корпоративной среде историков явную сакральную природу. Вот некоторые из таких характеристик в применении к архиву:

1. *Архив стоит особняком/отделенно от обыденного мира.* – Само пространственное расположение архивов всегда подчеркнуто маргинально. Как известно, Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) некоторое время базировался в торцевой части комплекса зданий администрации Президента Республики Беларусь. В настоящее время НАРБ размещается в здании Национальной библиотеки Беларуси, характерно занимая в нем несколько верхних этажей, со входом, неприметно расположенным вдали от основного входа в библиотеку. Здание Национального исторического архива Беларуси также находится далеко не в деловом и административном центре Минска. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов в свое время был вынесен за пределы Минска и устроился на окраине г. Дзержинска. Можно привести для примера и хорошо знакомую любому посетителю Главного архива древних актов в Варшаве крепостную решетку на входе. Еще более иллюстративно в данном контексте обращение к массовой культуре и литературным произведениям. Достаточно вспомнить местоположение (и описание!) «полного архива на дому» Варфоломея Коробейникова в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова. Разумеется, любой архивист может обоснованно объяснить такие особенности расположения архивов с точки зрения обеспечения сохранности документов, но сейчас речь несколько о другом.

2. *Архив тесно сопряжен с «запретами» (табу) на определенные знания и практики.* – Сложности с работой в архивах, многочисленные запреты, касающиеся количества дел, мест в читальных залах, копирования документов, банального доступа к определенным документам,

все это стало притчей во языцех работы в архиве, системой знаний и практик, которые отличают профессионального историка от «любителя прошлого» [см. 4]. Понимание универсальности традиций «табуирования» в пространстве архива лишь усиливается при прочтении работ наших зарубежных коллег: «Открытого письма к Умберто Эко» Кжыштофа Копиньского [9], «Вкуса архива» Арлетт Фарж [8] или «Вкуса архива или запаха крови» Томаша Вислича [11]. Говоря о белорусской специфике это впечатление можно усилить примером негласного запрета сатиры – даже зарубежной – на подобное «табуирование»: ни одно (!) из трех отечественных специализированных периодических изданий («Архівы і справаводства», «Архіварыўс», «Беларускі археаграфічны штогоднік») не приняло к публикации перевод упомянутого «Открытого письма...» К. Копиньского, подготовленный недавно при участии одного из авторов данных тезисов. Вот он, еще один многообещающий образ для анализа – запрет права архивиста на улыбку, особенно ироническую. Анализ этот опять же может быть литературно-сравнительным, если вспомнить слепого библиотекаря Хорхе Бургосского из романа Умберто Эко «Имя розы».

3. *Архив как пространство сакрума подразумевает обрядовые процедуры.* – Правила пользования архивами в Республики Беларусь представляют собой прекрасный образец подобной формализации: необходимо получить отношение из направляющей организации, получить положительный ответ на это отношение руководителя архива; пользоваться только документами по теме, сформулированной в отношении и т.д. В листе использования необходимо зафиксировать факт пользования документом. Еще большая формализация ждет тех, кто решится на публикацию документов. Выполнение всех формальных процедур, необходимых для работы в белорусских архивах сильно напоминает ритуалы, связанные с обрядами перехода, так ярко описанными Арнольдом Ван Геннепом и Виктором Тэрнером.

4. *Архивы четко ассоциируются с магическими силами, духами и божествами.* – Пространство архива фундаментально связано с магическими силами. Архив в некоторой степени сродни больничному моргу, где кроме историй умерших больных непосредственно находятся сами умершие. Постоянное обращение с документами, в которых умершие в далеком прошлом люди снова и снова оживают, восстают из пепла, формирует ситуацию постоянного сакрального пограничья. Характерны слова Жюль Мишле, кстати, одного из первых историков, обосновывавших необходимость работы в архиве: «Большую часть того, что написано в этом томе, я извлек из Национальных архивов. В тиши переходов я вскоре стал улавливать некое дуновение, ропот, и это не был голос смерти... Все живы и небессловесны... И по мере того, как я сдувал с них пыль, я видел, как они поднимались. Из гробниц тянулись их руки, головы, как в «Страшном суде» Микеланджело, или «Пляске смерти»...» (из послесловия ко второму тому «Истории Франции», цитируется по изданию Жака Ле Гоффа «Другое Средневековье» [3, с. 14]). Каждый новый читатель в архиве подобно шаману традиционных обществ пересекает «границу живого» и пускается в путешествие в «мир иной». В какой-то момент (1997 г.) это привело к формулировке Декларации об ответственности нынешних поколений перед будущими поколениями, предложенной ЮНЕСКО. Кроме всего прочего, именно постоянный контакт с миром «иного» увязывает архив с многочисленными легендами о призраках. Белорусские архивы в этом не исключение – многие из них размещаются в зданиях бывших церквей, монастырей, синагог – традиционном месте обитания привидений; в одном Минске за послевоенный период архивы занимали 4–5 таких зданий. Работники Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства, расположенного в здании бывшего монастыря бернардинцев, полусхвачены рассказывают легенду о «черном архивисте», призраке работника, однажды обнаружившего некую потайную комнату и исчезнувшего в ней навсегда; к слову, за шуткой скрываются вполне реальные истории о пугающих сюрпризах перепланированного старого здания.

5. *Архив связан с тем, что мы обычно подразумеваем под религией, а также магическими практиками.* – Особенно ярко сверхъестественная роль архива может наблюдаться в таком апофеозе рациональности как защита кандидатской диссертации. Так, например, общеизвестно, что при проведении экспертного семинара и оппонировании по диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук важным и крайне необходимым считается констатация факта о введении в научный оборот новых исторических источников. Редко проводится анализ самих вводимых в оборот документов, их значимость, важность и т.д. Отсутствие рационального осмысления вводимых в оборот новых источников служит четким свидетельством

внерациональности и трансцендентности. Архивные источники становятся чем-то самодостаточным, что не может «быть подвергнуто» (лучше – подчиняться) простой логике.

Таким образом, более активное включение архива как многогранного комплексного источника в сферу антропологической рефлексии над профессиональной деятельностью историка может помочь по-новому осмыслить некоторые ее аспекты, воспринимаемые как привычно-обязательные и рационально обоснованные, увидеть не только научно-практические, но и социальные, и психологические составляющие взаимоотношений историков с архивами, что, в свою очередь, создает предпосылки для лучшего понимания факторов, в определенной степени обуславливающих и процесс, и результаты исторического исследования.

Однако готовы ли (согласны ли, поддержат ли, поверят ли) к антропологическому анализу архива сами архивисты? Этот эксперимент может оказаться достаточно болезненным. Полевые исследования редко лояльны и толерантны. К примеру, даже в социально-культурной антропологии до настоящего времени далеко не все (хотя следует признать, что их все-таки меньшинство) готовы подвергнуться саморефлексии или изучению со стороны коллег. Рефлексивная антропология (как форма самокритичного, и в некоторой степени, жесткого самоанализа) долго пробивала себе дорогу в самой антропологии. В конечном счете, это стало дополнительным стимулом для дальнейшего ее развития. Сможет ли встать на такой путь архивоведение? Поживем – увидим.

1. Берастоўскі, А. Архивы – наше все? / А. Берастоўскі // Историческая правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.istpravda.ru/bel/opinions/13139/> – Дата доступа: 15.05.2015.

2. Демина, Н.В. Институализация в сообществе ученых: защита кандидатской диссертации как обряд перехода / Н.В. Демина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII. №1. – С. 97–112.

3. Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф / перев. с франц. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко под ред. В. А. Бабинцева, 2-е изд., испр. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2002. – 328 с.

4. Чего не следует делать в архивах // Arzamas [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arzamas.academy/materials/668>. – Дата доступа: 15.05.2015.

5. Шумейко, М. Ф. Архивное источниковедение: объект и предмет исследования / М. Ф. Шумейко // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 6 / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2011. – С. 68–74.

6. Шумейко, М. Ф. От терминологических споров об «архивном источниковедении» к разработке одноименного специального курса / М. Ф. Шумейко // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ, Минск, 15–16 апр. 2004 г. / редкол.: В. Н. Сидорцов (отв. ред.) и др. – Минск : БГУ, 2004. – С. 96–98.

7. Bialiauski, A. Heurystyczna rola archiwum w kręgu białoruskich historyków profesjonalistów / A. Bialiauski, S. Zacharkiewich, A. Prudnikow // Toruńskie Konfrontacje Archiwalne. Tom IV. Nowa Archiwistyka – Archiwa i Archiwistyka w Ponowoczesnym Kontekście Kulturowym / pod redakcją W. Chorążyczewskiego, W. Piaska i A. Rosy. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2014 – S. 189–202.

8. Farge, A. Le goût de l'archive / A. Farge. – Paris : Le Seuil, 1989. – 156 p.

9. Kopiński, K. List do Umberta Eco (czyli jak urządzić archiwum publiczne) / K. Kopiński // Archiwa – Kancelarie – Zbiory. – 2010. – Nr. 1 (3). – S. 245–256.

10. Marwick, A. The New Nature of History: Knowledge, Evidence, Language / A. Marwick. – Palgrave Macmillan, 2001. – 334 p.

11. Wiślicz, T. Smak archiwum i zapach krwi. Dwa poziomy badań terenowych historyka / T. Wiślicz // Obserwacja uczestnicząca w badaniach historycznych / Zbiór studiów pod redakcją B. Wagneri T. Wiślicza. – Zabrze, 2008. – S. 113–118.

Агеенко Т.Н.

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТАРХИВА ЦК КП(б)Б В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Для исследователей большой интерес представляют документы бывшего партийного архива КП(б)Б, фонды которого являются важнейшим источником информации по различным проблемам истории Беларуси. В связи с этим, важным является вопрос изучения создания и деятельности партархива в первые годы своего существования. Таким образом, предметом исследования является изучение истории возникновения и деятельности партархива с момента создания и до начала Великой Отечественной войны.

В июне 1921 г. при ЦБ КП(б)Б была создана Комиссия по собиранию и изучению материалов по истории КП(б)Б и Октябрьской революции (Истпарт), это время можно считать началом становления партийных архивов в Белоруссии [7, с. 3]. К концу 1923 г. Истпартом было собрано значительное количество документов за 1917–1920 гг., включая и документы делопроизводства самого ЦБ КП(б)Б за эти годы. Для их хранения в Центрархиве БССР было организовано историко-революционное отделение. В ноябре 1923 г. Президиум ЦБ КП(б)Б предложил Истпарту приступить к обработке архива ЦБ. Была выработана инструкция по ведению архивного дела и разослана ее уездным и районным комитетам партии.